

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СОБРАНИЯХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ*

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (43)

УДК 811.161.2'373.7-042.2

DOI:10.24144/2663-6840/2020.1(43).6–13

Мокиєнко В. Русско-украинские параллели в паремиологических собраниях Петровского времени; кількість бібліографічних джерел – 30; мова російська.

Аннотація. Стаття посвячена сопоставительному анализу русской, украинской и белорусской паремиологии, первые значительные и систематические фиксации которой начинаются с Петровского времени. Этнографы и фольклористы при исследовании украинской паремиологии ставили целью отразить «дух народа», его поэтическую душу, вырабатывая этнографические и фольклористические методы описания пословиц и поговорок. При этом ими нередко предлагались «поэтические» толкования образов в духе народной этимологии. Украинские фразеологи и паремиологи, взяв на вооружение собственно лингвистические, а в последнее время – этнолингвистические и лингвокультурологические методы исследования восточнославянской паремиологии, немало сделали для объективного исследования этой важной части национального языкового наследия.

Фразеология и паремиология за последнее пол-столетие стали особой лингвистической дисциплиной с собственной точной методикой анализа фразеологизмов и паремий. Особо значима для проникновения в святая святых национального паремиологического фонда диалектная, народная паремиология и фразеология. Фиксация паремий в пространстве, на конкретном языковом ареале имеет документальную историческую ценность. Такой анализ показывает довольно большую общность восточнославянских паремий. В то же время нередко при структурно-семантической общности, регулируемой генетическим родством, варианты восточнославянских паремий обнаруживают и лингвокультурологическую специфику. При этом именно украинский паремиологический материал помогает выявить или уточнить исходную форму и значение пословицы или поговорки. Предлагаемая методика иллюстрируется историко-этимологическим анализом пословицы *Голод не тётка*. Эта пословица – пример активности процесса эксплицирования в славянской паремиологии. Она, как и многие другие, – наследие того интереса к народной речи, который в России, Украине и Белоруссии стимулировался Петровскими преобразованиями.

В статье подчёркивается ценность паремиологических сборников, изданных в Петровскую эпоху, и необходимость их глубокого исследования.

Ключевые слова: паремиология Петровской эпохи, паремия, пословица, поговорка, паремиологические параллели, фразеологические варианты, структурно-семантическая модель.

Постановка проблемы. Патриарх нашей Филологии и один из основателей фразеологии как специальной лингвистической дисциплины, профессор Б.А. Ларин, разворачивая широкие перспективы исследований в области украинской народной фразеологии и паремиологии на X-м Республиканском диалектологическом совещании в Киеве, начал свой доклад эпиграфом: «Якби у мене було пшоно та сіль, то я б зварив кашу, – та жаль, що нема сала». Тогда, в далеком мае 1959 года действительно у фразеологов Украины ещё не было ни пшена, ни сала, ни даже соли, – то есть той «материальной субстанции» для серьёзного погружения в мир украинской народной фразеологии и паремиологии с лингвистического полёта. Конечно же, были великаны украинской паремиологии – М. Номис, И. Франко, Б. Гринченко, были монументальные собрания пословиц, поговорок, «і такого іншого», которые и теперь дают богатый материал для понимания тайн ярких образов народного слова и народной мудрости. Традиции такой паремиографии успешно продолжил М.М. Пазяк,

который издал одно из самых полных и методологично совершенных собраний украинских пословиц и поговорок в 4-х томах [ПП 1989–1991]. Библиографический свод украинской паремиологии и паремиографии в двух выпусках издали пассионарии украинской фразеологии А.М. Бушуй и А.А. Ивченко [Бушуй, Ивченко 1982, 1983]. Такое внимание к образному фонду украинского языка особенно ценно, учитывая его значение для мировой славистики [Мокиєнко 1996; Мокієнко 1998].

Этнографы и фольклористы при исследовании украинской паремиологии ставили целью отразить «дух народа», его поэтическую душу, вырабатывая этнографические и фольклористические методы описания пословиц и поговорок. При этом ими нередко предлагались «поэтические» толкования образов в духе народной этимологии. Украинские фразеологи и паремиологи, взяв на вооружение собственно лингвистическую, а в последнее время – этнолингвистические и лингвокультурологические методы исследования восточнославянской паремиологии, немало сделали для объективного исследования этой важной части национального языкового наследия.

Фразеология и паремиология за последнее пол-столетие стали особой лингвистической дис-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

циплиной с собственной точной методикой анализа фразеологизмов и паремий. Особо значима для проникновения в святая святых национального паремиологического фонда диалектная, народная паремиология и фразеология. Фиксация паремий в пространстве, на конкретном языковом ареале имеет документальную историческую ценность. Н.И. Толстой не случайно назвал ареальную характеристику слов и словосочетаний «диахронией, положенной на географическую сетку». Это особо важно для словосочетаний украинского языка, для которых – в отличие от лексики – часто отсутствуют не только древние, но и относительно более поздние фиксации многих пословиц и поговорок. И не случайно одна из фундаментальных работ на эту тему была написана и защищена как докторская диссертация В.И. Лавером именно в Ужгороде, где ареальные нити многих фразем и паремий сплетаются в единый, едва ли не Гордиев, узел [Лавер 1992].

Анализ исследований. Теоретическая фразеология в Украине с самого начала её развития принесла и богатые практические результаты. Вот почему задача составления словарей диалектной украинской фразеологии, поставленная уже в 1959 году Б.А. Лариным, до сих пор является одной из важнейших. Украинская фразеология с этого времени бурно развивается: «Фразеологічний словник» Н.А. Батюк [Київ: Радянська школа, 1966], «Фразеологічний словник української мови» Г.М. Удовиченко [Київ: Радянська школа, 1970; 1984], академический «Фразеологічний словник української мови» [Київ: Наукова думка, 1993; 2003], «Фразеологічний словник української мови» В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко [Київ: Освіта, 1998], «Німецько-український фразеологічний словник» В.И. Гаврися, О.П. Пророченко [Київ: Радянська школа, 1981], «Словник фразеологічних синонімів» М.П. Коломийца и Е.С. Регушевского под ред. В.А. Винника [Київ: Радянська школа, 1988], «Словник стійких народних порівнянь» А.С. Юрченко и А.А. Ивченко [Харків: Основа, 1993], «Російсько-український словник сталих виразів» за ред. М.Ф. Наконечного [Харків: «Прапор», 2000] И.А. Выргана и М.М. Пылинской, «Німецько-український фразеологічний словник (усталені порівняння)» [Вінниця: Нова книга, 2005] К. И. Мизина и мн. др. – вот обильный урожай этого периода расцвета украинской фразеологии.

Постепенно расширяется и кладовая украинской диалектной фразеологии: «Материалы для словаря диалектных фразеологизмов Подолья» [Вопросы фразеологии. Вып. VIII. Самарканд: СамГУ, 1975. С. 131–161] М.Т. Доленко, «Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини» Н. Вархол, А. Ивченко [Bratislava-Prešov, 1990], «Ідеографічний словник поліських народних порівнянь з компаративними об'єктами – назвами тварин» Г.М. Добролюжи [Київ: Волинь, 1997], «Матеріали до фразеологічного словника східнословобанських і степових говірок Донбасу» [Луганськ, 1993, 1997], «Словник говірок центральної Бойківщини» [Київ – Сімферополь: Ната, 2013] и «Словник стій-

ких зворотів бойківських говірок» [Київ – Сімферополь: вид-во «Доля», 2014] М.Д. Матвиива и др. Оригинальной попыткой описать богатую народную фразеологию Закарпатья стали «Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари» Дм. Попа [Ужгород 2011]. Разные по ареалу, содержанию, широте и детализации описания, все эти словари объединены своей лингвистичностью, стремлением авторов исчерпывающе точно паспортизировать, семантизировать и охарактеризовать фразеологизмы и паремии избранного диалектного пространства.

Цель статьи – сравнительно-сопоставительный анализ русской, украинской и белорусской паремиологии Петровского времени. Расширение «материальной базы» украинской фразеологии и паремиологии идёт в ногу с углублением теоретических основ их исследования. Одна из них – этнолингвистика, которая выделилась в последнее время в специальную научную область, объединяющую методику и материалы языкознания и этнографии. В славистике ею особо интенсивно занимаются последователи двух школ – проф. Н.И. Толстого в России, Белоруссии и Украине и проф. Й. Бартоминьского в Польше. Результатом многолетних изысканий этих этнолингвистических групп стали монументальные словари – «Славянские древности» [СД] и «Słownik ludowych stereotypów językowych» [SLSJ], а также «Słownik stereotypów i symboli ludowych» [SSSL], первые тома которых вышли в свет примерно в одно и то же время. Для последователей Н.И. Толстого лингвистические данные являются весьма решающим фактором при определении границ и времени распространения культурологического явления; они, в конечном итоге, помогают установить границу между типологическим и генетическим, а также между «своим» и «чужим».

Основные методы исследования: сравнительно-сопоставительный, описательный, историко-этимологический.

Изложение основного материала. Фразеология и паремиология в этнолингвистических изысканиях начинает играть всё большую роль. С одной стороны, они нередко являются прямым воплощением культурологических стереотипов и поэтому могут изучаться именно как такое воплощение. С другой стороны, фразеологическая и паремиологическая система по-своему перерабатывает, обогащает или «искажает» (точнее сказать – трансформирует) такие стереотипы, чем даёт им новый динамический импульс.

Обращение к этнографическим фактам у фразеологов и паремиологов давно уже стало необходимостью, особенно – во фразеологии и паремиологии диахронической. Более того: большинство попыток этимологизации фразеологических единиц и паремий до сих пор ещё опирается на экстралингвистические факты, которым придаётся большая доказательная сила, чем собственно языковому материалу. Дилемма «этнография или лингвистика?» уже давно стала камнем преткновения в исторической фразеологии, а попытка обратить большее внима-

ние на второй её полюс породила методичку структурно-семантического моделирования [Мокиенко 1973, 1974, 1999 и др.]. Эта дилемма с развитием этнолингвистики становится всё более актуальной. Н.И. Толстой в специальной работе убедительно демонстрирует плодотворность рассмотрения фразеологии «sub species этнографии» [Толстой 1988], показывая, что исследователь может начинать анализ как с собственно языковых фактов, так и с собственно этнологических – в зависимости от цели анализа и от конкретного материала. Не случайно поэтому несколько последних докторских диссертаций по украинской и славянской фразеологии и паремиологии, появившихся в Украине [Жуйкова 2007; Савченко 2013; Венжинович 2018; Даниленко 2019], написаны именно в этнолингвистическом или этнокультурологическом ключе.

Развивающаяся историческая фразеология восточнославянских языков при этом плодотворно использует как подход «от языка к этнографии», так и подход «от этнографии к языку». Первый подход можно назвать *фразеэтнологическим*, ибо этнографические факты являются искомым, а не исходным аргументом в пользу той или иной этимологии. Второй подход можно назвать собственно *этнофразеологическим*. Оба подхода и оправданы, и целесообразны как для лингвистического, так и для этнологического поиска. И тот, и другой, однако, имеют и свои определённые минусы. Сосредоточение исследования на чисто языковой материи может вести к перенасыщению интерпретации конкретными фактами, к «самоцельности» их описания. Акцентуация же на этнографических данных, в свою очередь, всегда таит в себе опасность сопряжения разных по происхождению и распространению данных, «глобализации» их и тем самым «поэтизации» этимологического содержания ФЕ, т.е. к народно-этимологическим толкованиям. Эти «минусы» в какой-то мере можно смягчить, постоянно поверяя этнографическую «музыку» «алгеброй» лингвистики. Автор этих строк уже неоднократно иллюстрировал такой диалектический подход анализом конкретных фразеологизмов и паремий украинского, русского и белорусского языков [Мокиенко 1984, 199; 2000, 2002 и др.]. И каждый раз исходом такого анализа являлись самые первые фиксации того или иного фразеологизма или пословицы, от которых начиналось активное их варьирование. Последовательное расслаивание вариантного палимпсеста и приводит, как кажется, к достаточно убедительной расшифровке внутренней формы паремии.

Для многих восточнославянских паремий первая фиксация начинается с рукописных сборников русских пословиц и поговорок Петровского времени, нередко отражающих и украинско-белорусские их параллели. Вот один из таких типичных примеров – восточнославянская пословица *Голод не тётка*. Самая старая её фиксация в варианте *Голод не тётка: пирожка не подсунет* относится к XVII в. в сборнике П.К. Симони, что «узаконено» включением её в словарь русского языка XI–XVII вв. именно в этом варианте [Сим., 91; СлРЯ XI–XVII вв. 15,

49]*. Многие последующие собрания фиксируют её именно в этом варианте [Сн. 1848, 72; Мих. 1, 205; КМШ 1957, 48; Жук. 1966, 104–105; Ан. 1988, 65]. Любопытно и отнюдь не случайно, что в кубанских говорах она зафиксирована в украинизированной форме: *Голод не тётка; пирожка не подсунэ* [ППЗК 2000, 71]. В украинском фольклоре этот вариант *Голод – не тётка, пирожка не даст* зафиксирован позднее [ПП 1.1989, 303], а в белорусском отсутствует. Как увидим ниже, эта, на первый взгляд, незначительная деталь весьма значима для установления наиболее вероятного происхождения пословицы и её исходного образа.

При сопоставлении этой пословицы с другими славянскими языками сразу чётко обрисовывается её строго восточнославянский ареал. Не случайно в словаре М.Ю. Котовой [Котова 2000, с. 42] рус. *Голод не тётка* сопровождается лишь белорусскими и украинскими параллелями: бел. *Голод не цётка, з'есць што патрапіць*. ср. *Голод – найлепшы кухар*; укр. *Голод не тётка*. ср. *Голод не свій брат*. Все остальные славянские и английский эквиваленты и по образности, и по структуре резко отличаются от восточнославянских: болг. *Гладът не прощава*. ср. *Гладът не е шега работа*; пол. *Glód najlepszy kucharz*; серб. *Глад очију нема*; словац. *Hlad je najlepši kuchár*; чеш. *Lačnětu všeko k chutí*. ср. *Hlad je nejlepší kuchář*; англ. *Hunger is the best sauce*. Даже славянские параллели, на первый взгляд, похожие на восточнославянскую пословицу, по исходному образу весьма далеки от неё – ср. словц. *Hlad – čertu brat*, *Hlad je zlý host*.

Действительно, восточнославянский ареал пословицы несомненен, хотя и в украинских, и в белорусских сборниках пословиц и поговорок можно встретить и отсылки на польск. *Glód nie ciotka; Glód nie brat; Glód nie swój brat*. На проверку оказывается, что, во-первых, их фиксация в польском языке начинается лишь с 1894 г., а их источник – собрание белорусских пословиц М. Федоровского [НКР 1, с. 664].

Многие фразеологии и паремиологи традиционно объясняют происхождение этой пословицы на основе варианта *Голод не тётка: пирожка не подсунет*, который кажется совершенно логичным. По их мнению, она представляет собой часть развёрнутого выражения пословичного типа, где *пирожок* могла бы подсунуть лишь *тётка* (или кума, теща), которая в трудных случаях поможет, сытно и вкусно накормит, а голод может лишь толкнуть на многие нежелательные поступки. [Федоров 1964, с. 13; Абрамец 1968, с. 101; Чернышев 1970, I, с. 332; Фелицына 1970, с. 122–124; Вартаньян 1973, с. 68; Ларин 1977, с. 142; Шанский 1985, с. 113, с. 142; Опыт 1987, с. 38; Степанов 1999, с. 22–23; ШСП 2002, с. 59].

На первый взгляд, традиционное толкование пословицы подкрепляется и некоторыми её вариантами, где в роли тётки выступают и другие щедрые «кормильцы»: *Голод не тётца (не кума): пирога не подсунет* [Д 1, с. 369]; *Голод не теща – на блины не позовёт* [Сок., с. 148]; *Голод не тётца: блинов не*

напечёт [Спир. 1985, с. 37]. Однако, нужно признать, что данные восточнославянского фольклора противоречат столь прямолинейной трактовке. Ведь они отражают эту поговорку и во многих других вариантах. Причём, один из них – укр. *Голод – не свій брат*, в отличие от варианта с *тёткой* и *пирожком*, зафиксирован и в белорусском, и в русском языках: бел. *Голад не свой брат* [Ляцкий 1877, 8]. Причём рус. *Голод не свой брат* имеет тоже весьма старую фиксацию, фиксацию Петровского времени [СЛРЯ XVIII в. 2, 127] и затем регистрируется многими собраниями малого русского фольклора [Рыбн. 1961, с. 136; Ан. 1988, с. 65; Сок., с. 148].

Показательно, что И. Франко, зафиксировавший этот украинский вариант поговорки, не только предлагает его точное толкование («Знач. Він не жартує і не помилує»), но и даёт отсылку на польский и воронежский источники – сборник Адальберга [Adalb. Głód с. 16], и М.А. Дикарева [1891]. Важно и то, что один из украинских вариантов «комбинирует» компонент *тётка* с компонентом *брат*: *Голод – не тётка, наймит – не свій брат* [ПП 1, 1989, 303], что символически уравнивает «права» этих компонентов в этой восточнославянской поговорке. Ср. Также вариант *Голод не знає ні свата, ні брата*, также зарегистрированный И. Франко [Фр., I, 2, с. 402 – ПП 1, 1989, с. 303]. Довольно значимы и её варианты в русском языке: *Голод не свой брат: научит калачи есть* [Ил. 1915, с. 330]; *Голод не свой брат: уму-разуму научит* [Алещенко 2008, с. 245], особенно – вариант, вновь соединяющий *тётку* и *брата*: *Голод не свой брат, а нужна не тётка* [Сн. 1848, 72; Ил. 1915, 329].

В поле нашего анализа следует вовлечь и другие варианты поговорки, подтверждающие её образную обобщённость:

Голод не тётка: пирогами не кормит (Рыбн. 1961, с. 136); *Голод не тётка, а брюхо не дукошко* [Сн. 1848, с. 72; Д 1, с. 369; Ил. 1915, с. 329]; *Голод не тетка – блины не поднесёт* [Сок., с. 148]; *Голод не тётка – всё заставит делать* [АОС с. 20, с. 120]; *Голод не тётка, душа не сосед* [Д 1, с. 369; Рыбн. 1961, с. 136; Ан. 1988, с. 65]; *Голод не тётка – за ворота не выкинешь* [СПП 2001, с. 127]; *Голод не тётка – заставит заговорить* [Рыбн. 1961, с. 136; Ан. 1988, с. 65]; *Голод не тётка – заставит работать* [Тан. 1986, с. 42; Ан. 1988, с. 65]; *Голод не тётка: калачика не подложит* ([Рыбн. 1961, с. 136; Тан. 1986, с. 42]; *Голод не тётка, мороз – не свой брат* [Рыбн. 1961, с. 136; Ан. 1988, с. 65]; *Голод не тетка – не подаёт* [Сок., с. 148]; *Голод не тетка – не прокормит* [Сок., с. 148]; *Голод не тётка, совесть не сосед* [Д 1, с. 369].

В этом же вариантном русле – белорусские и украинские примеры:

Голад не цётка; Голад не цётка, з'есць, што папала; Голад не цётка, паглядзяць ды з'ядзяць; Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена [Грынблат 1976, 1, № 431-433].

Голод – не тётка, а лютой мацухи лютиший; Голод – не тётка, душа – не сусід [ПП, 1.1989, 303]. Ср. семантический комментарий И. Франко к одно-

му из таких вариантов: *Голод не тётка, не нагодує – «Знач. Треба боротися з ним як із ворогом»* [Франко 2006, 1, 570].

В украинском языке роль «тётки» в этой поговорке могут играть и другие персонажи – как «родственные», так и «неродственные»: *Голод – не батько і не мати; Голод – не брат; Голод – не свій брат*; [ПП, 1.1989, с. 303]; *Голод – великий пан* [Прип., 73; Зак. пр., с. 29]; б) *Голод – найбільший пан на світі* [ПП, 1.1989, с. 302]. Ср. комментарии И. Франко к двум из таких поговорок: *Голод не пан – «Він учити хилитися, жебрати та красти»* и *Голод не знає ні свата ні брата. «голодний украде або й силою відбере хоч би і найблизшого»* [Фр. 1, с. 570]. К «родственной» тематике относится и белорусский «дядя»: *Голад не дзядзіна, з'ясі і крадзена* [Грынблат 1976, 1, № 433], а к «неродственной» – русский «сосед», поговорка с которым зафиксирована уже в начале XVIII в.: *Голод не сосед: от него не уйдёшь* [Тат. нач. XVIII в., с.50; Богд. 1741, с. 75; Д 1, с. 369; Сн. 1848, с. 72; КМШ 1957, с. 47; Раз. 1957, с. 174; Тан. 1986, с. 42; Ан. 1988, с. 65; Сок., с. 148]; *Голод не тётка, совесть не сосед* [Д 1, с. 369].

Следовательно, перед нами – паремиологическая модель с весьма мобильным компонентным составом, не допускающим её возведения к единственному конкретному источнику. Это легко демонстрирует, например, украинский материал, где наряду со старой поговоркой *Голод – не тётка, тиріжка не дасть* находим и другие вариации на данную тему: *Голод – не тётка, а лютой мацухи лютиший; Голод – не тётка, найми – не свій брат; Голод – не тётка, душа – не сосед; Голод – не батько і не мати; Голод – не брат; Голод не свій брат; Голод не знає ні свата, ні брата* и т.п. [ПП 1, 1989, с. 303]. В других славянских языках аналогичная идея выражается безобразно – ср. польск. *Głód wszystkim nauczy* (Голод заставит все делать). Образ поговорки ясен: тётка (и другие «родные») в трудных случаях помогут, сытно и вкусно накормят, а голод может лишь толкнуть на нежелательные поступки. Можно поэтому предположить, что более распространенные варианты были образованы из «ядерных» типа *Голод не тётка, Голод – не свой брат*, бел. *Голад не цётка*, укр. *Голод не тётка*. И именно к такой «ядерной» основе постепенно добавлялись эксплицитные варианты, объясняющие, почему *голод – не тётка, не кума, не свой брат, не сват, не батько і не мати, не дзядзіна* и даже *не пан* и *не сосед*, которые могли бы накормить голодающих пирожками, пирогами, блинами или калачиками. По пути развёртывания паремий из меньшей единицы в большую прошли многие славянские фразеологизмы и поговорки [Мокиенко 1989, 126–156]. И поговорка *Голод не тётка* – ещё один пример активности процесса эксплицирования в славянской паремиологии.

Выводы. Эта восточнославянская поговорка, как и многие другие, – наследие того интереса к народной речи, который в России, Украине и Белоруссии стимулировался Петровскими преобра-

зованнями. Сборники малого фольклора – Петровской галереи, В.Н. Тагичева, П.К. Симонии, а затем – В.И. Даля, М. Номиса, И. Франко, И.И. Носовича и других хранителей вековой славянской мудрости сохраняли и преумножали это наследие. И благодаря их усилиям и исследованиям современных фразеологов и паремологов мы можем с гордостью

сказать, что паремииологического голода, о котором на Киевском диалектологическом совещании 1959 года говорил Б.А. Ларин, в наших странах уже нет. А есть уже и фразеологическое *пиано* та *сіль*, и даже паремииологическое *сало*, которыми мы можем накормить самых взыскательных тётток, братьев и даже соседей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещенко 2008: Е. И. Алещенко. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). Дисс. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2008. 431 с.
2. Бушуй, Ивченко 1982: Бушуй А. М., Ивченко А. А. Паремииология Украины: библиографический указатель по паремииологии Украины. Самарканд, 1982. Т. I. 150 с.
3. Бушуй, Ивченко 1983: Бушуй А. М., Ивченко А. А. Паремииология Украины: библиографический указатель по паремииологии Украины. Самарканд, 1983. Т. II. 143 с.
4. Венжинович 2018: Венжинович Н. Ф. Фраземіка української літературної мови: когнітивний та лінгвокультурологічний аспекти. Дис. на здобуття наукового ступеня доктора філологічних наук. Київ, 2018. 504 с.
5. Грынблат 1976: Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах. Складанне, сістэматызацыя тэкстаў, ўступны артыкул і каментарыі М.Я. Грынבלата. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 616 с. Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
6. Даниленко 2019: Даниленко Л. І. Чеська пареміологія в генетичному, лінгвокогнітивному і дискурсивному висвітленні [Текст]: монографія. Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Ін-т філології, НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ: Вид. дім Дмитра Бураго, 2019. 439 с.
7. Дикарев 1891: Дикарев М.А. Воронежский этнографический сборник. Воронеж, 1891. 314 с.
8. Жуйкова 2007: Жуйкова М.В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: монографія. Луцьк: РВВ «Вежа», 2007. 416 с.
9. Котова 2000: Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. Под ред. П. А. Дмитриева. Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.
10. Лавер 1992: Лавер В. И. Фраземіка українських діалектів карпатського регіону: Автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Київ, 1992. 50 с.
11. Ляцкий 1877: Ляцкий Е. А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках. Известия ОРЯС Академии наук. Т. 23. Кн. 3. Санкт-Петербург, 1897. С. 746–782.
12. Мокиєнко 1973: Мокиєнко В.М. Из истории фразеологизмов. *Русский язык в национальной школе*. 1973. № 5. С. 70–74.
13. Мокиєнко 1974: Мокиєнко В.М. Спроба системного етимологічного аналізу українських фразеологізмів. *Мовознавство*. 1974. № 2. С. 26–36.
14. Мокиєнко 1984: Мокиєнко В.М. Груші на вербі. *Українська мова і література в школі*. 1984. № 5. С. 76–78.
15. Мокиєнко 1989: Мокиєнко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1989. 287 с.
16. Мокиєнко 1996: Мокиєнко В.М. Значение украинского языка для славистики. *Третій Міжнародний конгрес українців*. 26–29 серпня 1996 р. *Мовознавство*. Харків, 1996. С. 84–93.
17. Мокиєнко 1998: Мокиєнко В.М. Українська мова у світлі славистичної проблематики. *Збірник Харківського історико-філологічного товариства*. Харків, 1998. Нова серія. Т. 6. С. 101–116.
18. Мокиєнко 1999: Мокиєнко В.М. К сопоставительной этнографической фразеологии украинского, белорусского и русского языков (лингвистические и этнологические аспекты формулы отказа). *Беларусістыка. Zeitschrift für aktuelle Fragen der weißrussischen Sprache*. 1999. № 1. С. 24–39.
19. Мокиєнко 1999: Мокиєнко В.М. Значення української пареміології для історико-етимологічного аналізу слов'янських прислів'їв і приказок. *Мовознавство*. 2000. № 1. С. 9–20.
20. Мокиєнко 2000: Мокиєнко В.М. Украинская фразеология (resp. паремииология) и русская картина мира. *Słowo. Tekst. Czas. Materiały IV Międzynarodowej konferencji naukowej (Szczecin 21–22 października 1999 r.)*. Pod redakcją Michaiła Aleksiejenki. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, Instytut filologii słowiańskiej, 2000. S. 25–33.
21. Мокиєнко 2002: Мокиєнко В.М. Українська етнофразеологія в загальнослов'янському висвітленні. *Мовознавство: Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі українців (26–29 серпня 1999, Одеса)*. Відп. ред. В. Німчук. Київ: Пульсари, 2002. С. 379–385.
22. ПП 1–4: Прислів'я та приказки. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. 1989. 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. 1990. 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. 1991. 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 2001. 392 с.
23. Савченко 2013: Савченко Л.В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти: монографія. Сімферополь: Доля, 2013. 600 с.

24. СД: Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. А-Г. Москва: Международные отношения, 1995. 584 с.; т. 2. Д-К (Крошки). Москва: Международные отношения, 1999. 697 с.; Т. 3. К (Круг) – П (Перепелка). Москва: Международные отношения, 2004. 704 с.; Т. 4. Т. 5. Москва: Международные отношения, 2013.
25. Сок.: Соколова М.И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.
26. Толстой 1988: Толстой Н.И. Славянская фразеология sub specie этнографии. *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej*. IV. Ed. M. Basaj i D. Rytel. Wrocław etc., 1988. S. 15–25.
27. Франко 2006: Галицько-руські приповідки. Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. У трьох томах. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2006.
28. ШСП 2002: Школьный словарь живых русских пословиц. Сост.: Ю. А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко. Гл. ред. В.М. Мокиенко, редакторы: Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова. Санкт-Петербург: «Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. 352 с.
29. SLSJ: Słownik ludowych stereotypów językowych. Bartmiński J. (red.) T. 1. Lublin, 1994.
30. SSSL: Słownik stereotypów i symboli ludowych T. 1 Z. IV, Kosmos. świat, światło, metale. T. 1. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. 395 s.

REFERENCES

- Aleshchenko 2008: Ye. I. Aleshchenko (2008). Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh russkogo folklor (na materiale narodnoy skazki) [Ethno-linguistic world model in the texts of Russian folklore (based on the material of a folk tale)]. Diss. ... doktora filologicheskikh nauk. Volgograd. 431 s. [in Russian].
- Bushuy, Ivchenko 1982: Bushuy A. M., Ivchenko A. A. (1982) Paremiologiya Ukrainy [Paremiology of Ukraine]: bibliograficheskiy ukazatel po paremiologii Ukrainy. Samarkand. T. I. 150 s. [in Russian].
- Bushuy, Ivchenko 1983: Bushuy A. M., Ivchenko A. A. (1983) Paremiologiya Ukrainy [Paremiology of Ukraine]: bibliograficheskiy ukazatel po paremiologii Ukrainy. Samarkand. T. II. 143 s. [in Russian].
- Venzhynovych 2018: Venzhynovych N. F. (2018) Frazemika ukrainskoi literaturnoi movy: kohnityvnyi ta linhvokulturolohichnyi aspekty [Phrasemics of the Ukrainian literary language: cognitive and linguo-cultural aspects]. Dyss. na здобuttya naukovooho stupenia doktora filolohichnykh nauk. Kyiv. 504 s. [in Ukrainian].
- Grynblat 1976: Prykazki i prymauki ũ dzvyukh knigakh [Proverbs and sayings in two books] (1976). Skladanne tekstaŭ, ũstupny artykul i kamentaryi M.Ya. Grynblata. T. 1 560 s.; T. 2. 616 s. Minsk: Navuka i tekhnika [in Belarusian].
- Danylenko 2019: Danylenko L. I. (2019) Cheska paremiolohiia v henetychnomu, linhvokohnityvnomu i dyskursyvnomu vysvitleni [Czech paremiology in genetic, linguocognitive and discursive elucidation] [Tekst]: monohrafiia. Kyiv. nats. un-t im. Tarasa Shevchenka, In-t filolohii, NAN Ukrainy, In-t movoznavstva im. O. O. Potebni. Kyiv: Vyd. dim Dmytra Buraho. 439 s. [in Ukrainian].
- Dikarev 1891: Dikarev M.A. (1891) Voronezhskiy etnograficheskiy sbornik [Voronezh ethnographic collection]. Voronezh. 314 s. [in Russian].
- Zhuikova 2007: Zhuikova M.V. (2007) Dynamichni protsesy u frazeolohichnii systemi skhidnoslovianskykh mov [Dynamic processes in the phraseological system of East Slavic languages]: monohrafiia. Lutsk: RVV «Vezha». 416 s. [in Ukrainian].
- Kotova 2000: Kotova M. Yu. (2000) Russko-slavyanskiy slovar poslovits s angliyskimi sootvetstviyami [Russian-Slavic dictionary of proverbs with English equivalents]. Pod red. P. A. Dmitrieva. Sankt-Peterburg: izdvo SPbGU. 360 s. [in Russian].
- Laver 1992: Laver V. I. (1992) Frazemika ukrainskikh dialektov karpatskogo regiona [Phrasemics of Ukrainian dialects of the Carpathian region]: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kiev. 50 s. [in Russian].
- Lyatskiy 1877: Lyatskiy E.A. (1897) Neskolkko zamechaniy k voprosu o poslovitsakh i pogovorkakh [A few notes on the question of proverbs and sayings]. Izvestiya ORYaS Akademii nauk. T. 23. Kn. 3. Sankt-Peterburg. S. 746–782 [in Russian].
- Mokienko 1973: Mokienko V.M. (1973) Iz istorii frazeologizmov [From the history of phraseological units]. *Russkiy yazyk v natsionalnoy shkole*. №5. S. 70–74 [in Russian].
- Mokiienko 1974: Mokiienko V.M. (1974) Sproba systemnoho etymolohichnoho analizu ukrainskykh frazeolohizmiv [An attempt at a systematic etymological analysis of Ukrainian phraseology]. *Movoznavstvo*. № 2. S. 26–36 [in Ukrainian].
- Mokiienko 1984: Mokiienko V.M. (1984) Hrushy na verbi [Pears are on a willow]. *Ukrainska mova i literatura v shkoli*. № 5. S. 76–78 [in Ukrainian].
- Mokienko 1989: Mokienko V. M. (1989) Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology]. 2-ye izd., ispr. i dop. Moskva: Vysshaya shkola. 287 s. [in Russian].
- Mokienko 1996: Mokienko V.M. (1996) Znachenije ukrainskogo yazyka dlya slavistiki [The meaning of the Ukrainian language for Slavic studies]. *Tretiy Mizhnarodnyi konhres ukrainistiv*. 26–29 serpnia 1996 r. *Movoznavstvo*. Kharkiv. S. 84–93 [in Russian].
- Mokiienko 1998: Mokiienko V.M. (1998) Ukrainska mova u svitli slavistychnoi problematyky [Ukrainian

language in the elucidation of Slavic issues]. *Zbirnyk Kharkivskoho istoryko-filolohichnoho tovarystva*. Kharkiv. Nova seriia. T. 6. S. 101–116 [in Ukrainian].

18. Mokienko 1999: Mokienko V.M. (1999) K sopostavitel'noy etnografrazeeologii ukrainskogo, belorusskogo i russkogo yazykov (lingvisticheskiye i etnologicheskkiye aspekty formulyi otkaza) [Towards a comparative ethnografrazeeology of the Ukrainian, Belarusian and Russian languages (linguistic and ethnological aspects of the refusal formula)]. *Belarusistyka. Zeitschrift für aktuelle Fragen der weißrussischen Sprache*. № 1. S. 24–39 [in Russian].

19. Mokiienko 1999: Mokiienko V.M. (1999) Znachennia ukrainskoi paremiolohii dlia istoryko-etymolohichnoho analizu slovianskykh pryshliviv i prykazok [The value of Ukrainian paremiology for the historical and etymological analysis of Slavic proverbs and sayings]. *Movoznavstvo*. № 1. S. 9–20 [in Ukrainian].

20. Mokienko 2000: Mokienko V.M. (2000) Ukrainskaya frazeologiya (resp. paremiologiya) i russkaya kartina mira [Ukrainian phraseology (resp. Paremiology) and the Russian world model]. *Slovo. Tekst. Czas. Materiały IV Międzynarodowej konferencji naukowej (Szczecin 21–22 października 1999 r.)*. Pod redakcją Michała Aleksiejki. Szczecin: Uniwersytet Szczeciński, Instytut filologii słowiańskiej. S. 25–33 [in Russian].

21. Mokiienko 2002: Mokiienko V.M. (2002) Ukrainska etnofrazeolohiia v zahalnoslovianskomu vysvitleni [Ukrainian ethnophraseology in the Slavic context]. *Movoznavstvo: Dopovidi ta povidomlennia na IV Mizhnarodnomu konhresi ukrainistiv (26–29 serpnia 1999, Odesa)*. Vidp. red. V. Nimchuk. Kyiv: Pulsary. S. 379–385 [in Ukrainian].

22. PP 1–4: Pryslivlia ta prykazky [Proverbs and sayings] (1989, 1990, 1991, 2001). Uporiadnyk M.M. Paziak. Kyiv: Naukova dumka. T. 1. Pryroda. Hospodarska diialnist liudyny. 479 s. T. 2. Liudyna. Rodynne zhyttia. Rysy kharakteru. 1990. 524 s. T. 3. Vzaiemny mizh liudmy. 440 s. T. 4. Ukrainski pryshlivlia, prykazky ta porivniannia z literaturnykh pamiatok. Uporiadnyk M.M. Paziak. Kyiv: Naukova dumka. 392 s. [in Ukrainian].

23. Savchenko 2013: Savchenko L.V. (2013) Fenomen etnokodiv dukhovnoi kultury u frazeolohii ukrainskoi movy: etymolohichnyi ta etnolinhvistychnyi aspekty [The phenomenon of ethnocodes of spiritual culture in the phraseology of the Ukrainian language: etymological and ethnolinguistic aspects]: monohrafiia. Simferopol: Dolia. 600 s. [in Ukrainian].

24. SD: Slavyanskiye drevnosti [Slavic antiquities] (1995, 1999, 2004, 2013). Etnolingvisticheskiy slovar pod redaktsiyey N.I. Tolstogo. T. 1. A-G. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 584 s.; T. 2. D-K (Kroshki). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 697 s.; T. 3. K (Krug) – P (Perepelka). Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 704 s.; T. 4. T. 5. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya [in Russian].

25. Sok.: Sokolova M.I. Narodnaya mudrost. Poslovitsy i pogovorki [Folk wisdom. Proverbs and sayings]. Novosibirsk: ZAO IPP «Ofset», 2009. 622 s. [in Russian].

26. Tolstoy 1988: Tolstoy N.I. (1988) Slavyanskaya frazeologiya sub specie etnografii [Slavic phraseology sub specie of ethnography]. *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej*. IV. Ed. M. Basaj i D. Rytel. Wrocław etc. S. 15–25 [in Russian].

27. Franko 2006: Halytsko-ruski prypovidky [Galician-Russian tales] (2006). Zibrav, uporiadkuvav i poiasnyv d-r. Ivan Franko. U triokh tomakh. Lviv: Vydavnychiy tsentr LNU imeni Ivana Franka [in Ukrainian].

28. ShSP 2002: Shkolnyiy slovar zhiviyikh russkikh poslovits [School dictionary of living Russian proverbs] (2002). Sost.: Yu.A. Ermolaeva, A.A. Zaynuldinov, T.V. Kormilitsyna, V.M. Mokienko, E.I. Seliverstova, N.Ya. Yakimenko. Gl. red. V.M. Mokienko, redaktoryi: E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova. Sankt-Peterburg: «Izdatelskiy dom «Neva»; «OLMA-PRESS». 352 s. [in Russian].

29. SLSJ: Słownik ludowych stereotypów językowych (1994). Bartmiński J. (red.) T. 1. Lublin [in Polish].

30. SSSL: Słownik stereotypów i symboli ludowych (2012) T. 1 Z. IV, Kosmos. świat, światło, metale. T. 1. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 395 s. [in Polish].

RUSSIAN-UKRAINIAN PARALLELS IN THE PAREMIOLOGICAL COLLECTIONS OF PETER'S TIME

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of Russian, Ukrainian and Belarusian paremiology, the first significant and systematic fixations of which begin with the Petrine time.

Ethnographers and folklorists in the study of Ukrainian paremiology aimed to reflect the «spirit of the people», its poetic soul, developing ethnographic and folkloristic methods of describing proverbs and sayings. At the same time, they often offered «poetic» interpretations of images in the spirit of folk etymology. Ukrainian phraseologists and paremiologists, having adopted the linguistic and, more recently, ethnolinguistic and linguocultural methods of researching East Slavic paremiology, have done much to objectively study this important part of the national linguistic heritage.

Phraseology and paremiology over the past half century have become a special linguistic discipline with its own precise method of analysis of phraseology and paremia. Dialectal, folk paremiology and phraseology are especially important for penetration into the holy of holies of the national paremiological fund. Fixation of paremias in space, in a specific language area has a documentary historical value.

Such an analysis shows a rather large community of East Slavic paremias. At the same time, often with a structural-semantic community, regulated by genetic kinship, variants of East Slavic paremias also reveal linguistic

and cultural characteristics. Moreover, it is the Ukrainian paremiological material that helps to identify or clarify the original form and meaning of the proverb or proverb. The proposed methodology is illustrated by the historical and etymological analysis of the proverb *Голод не тётка*.

This proverb is an example of the activity of the process of explicitness in Slavic paremiology. It, like many others, is a legacy of the interest in the vernacular that was stimulated by the Petrovsky transformations in Russia, Ukraine, and Belarus.

The article emphasizes the value of paremiological collections published in the Petrine era and the need for in-depth research.

Keywords: paremiology of the Petrine era, paremia, proverb, saying, paremiological parallels, phraseological variations, structural-semantic model

РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКІ ПАРАЛЕЛІ В ПАРЕМІОЛОГІЧНИХ ЗБІРКАХ ПЕТРОВСЬКОГО ЧАСУ

Анотація. Стаття присвячена зіставному аналізу російської, української та білоруської пареміології, перші значні й систематичні фіксації якої починаються з Петровського часу.

Етнографи і фольклористи при дослідженні української пареміології ставили за мету відобразити «дух народу», його поетичну душу, виробляючи етнографічні та фольклористичні методи опису прислів'їв і приказок. Водночас вони нерідко пропонували «поетичні» тлумачення образів із погляду народної етимології. Українські фразеологи і пареміологи, взявши на озброєння власне лінгвістичний, а останнім часом – етнолінгвістичні та лінгвокультурологічні методи дослідження східнослов'янської пареміології, чимало зробили для об'єктивного дослідження цієї важливої частини національної мовної спадщини.

Фразеологія і пареміологія за останнє пів століття стали особливою лінгвістичною дисципліною з власною точною методикою аналізу фразеологізмів і паремій. Особливо значуща для проникнення в святая святих національного пареміологічного фонду діалектна, народна пареміологія і фразеологія. Фіксація паремій в просторі, на конкретному мовному ареалі має документальну історичну цінність.

Такий аналіз показує досить велику спільність східнослов'янських паремій. У той же час нерідко при структурно-семантичній спільності, регульованій генетичною спорідненістю, варіанти східнослов'янських паремій виявляють і лінгвокультурологічну специфіку. Водночас саме український пареміологічний матеріал допомагає виявити або уточнити вихідну форму і значення прислів'я або приказки. Пропонована методика ілюструється історико-етимологічним аналізом прислів'я *Голод не тётка*. Це прислів'я – приклад активності процесу експліцитності в слов'янській пареміології. Воно, як і багато інших, – спадок того інтересу до народної мови, який у Росії, Україні та Білорусі стимулювався Петровськими перетвореннями.

У статті підкреслюється цінність пареміологічних збірок, опублікованих в Петровську епоху, і необхідність їх глибокого дослідження.

Ключові слова: пареміологія Петровської епохи, паремія, прислів'я, приказка, пареміологічні паралелі, фразеологічні варіанти, структурно-семантична модель.

© Мокієнко В., 2020 р.

Валерій Мокієнко – Почесний Голова Комісії зі слов'янської фразеології при Міжнародному комітеті славистів, доктор філологічних наук, професор Інституту славистики Грайфсвальдського університету імені Ернста-Моріца Арндта (Грайфсвальд, Німеччина), професор кафедри слов'янської філології Санкт-Петербурзького університету, Санкт-Петербург, Росія; <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Valeriy Mokienko – Honorary Chairman of Commission on Slavic Phraseology at the International Committee of Slavists, Doctor of Philology, Professor of the Slavic Studies Institute of Ernst-Moritz Arndt Greifswald University (Greifswald, Germany), Professor of the Slavic Philology Department, St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>